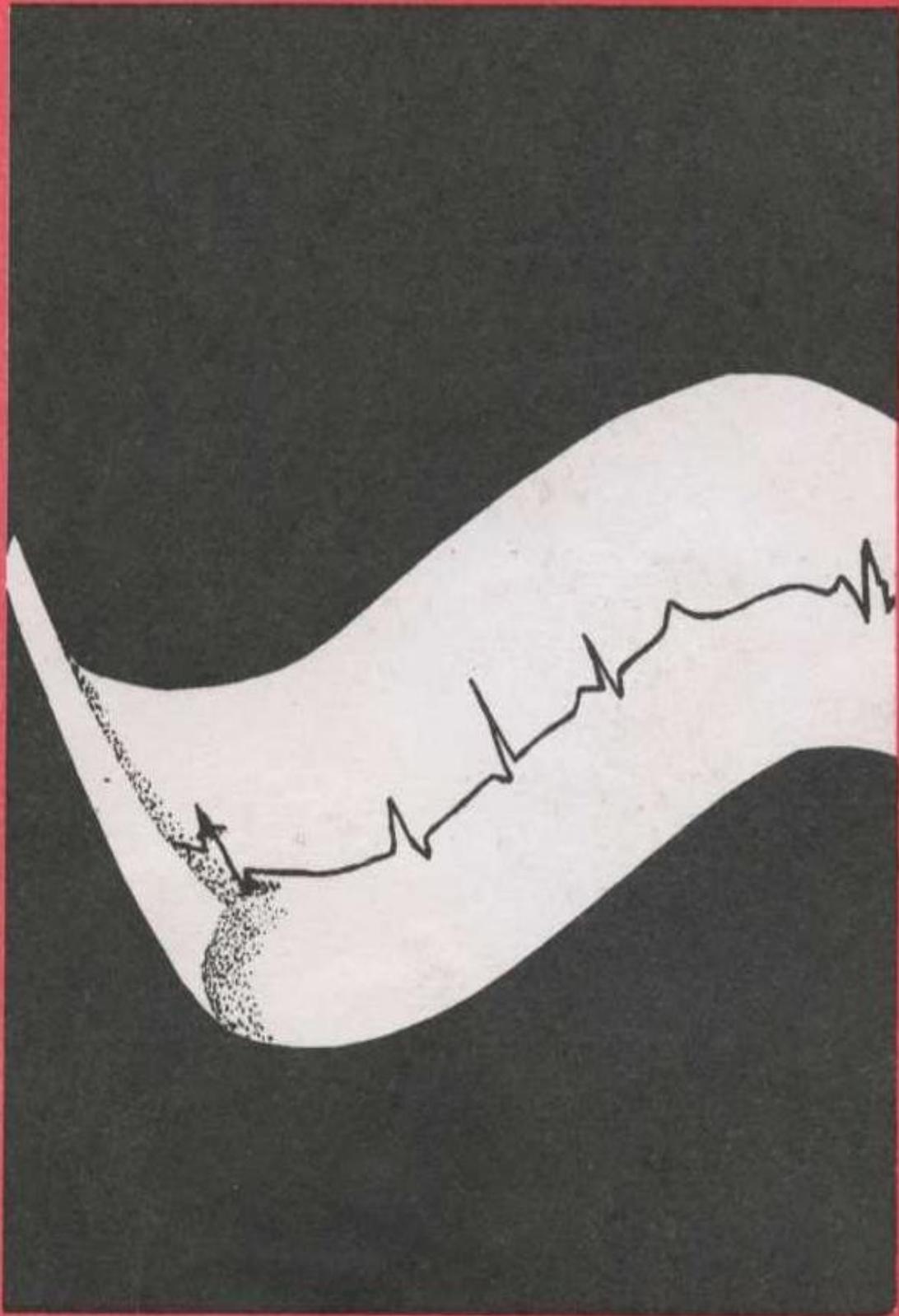
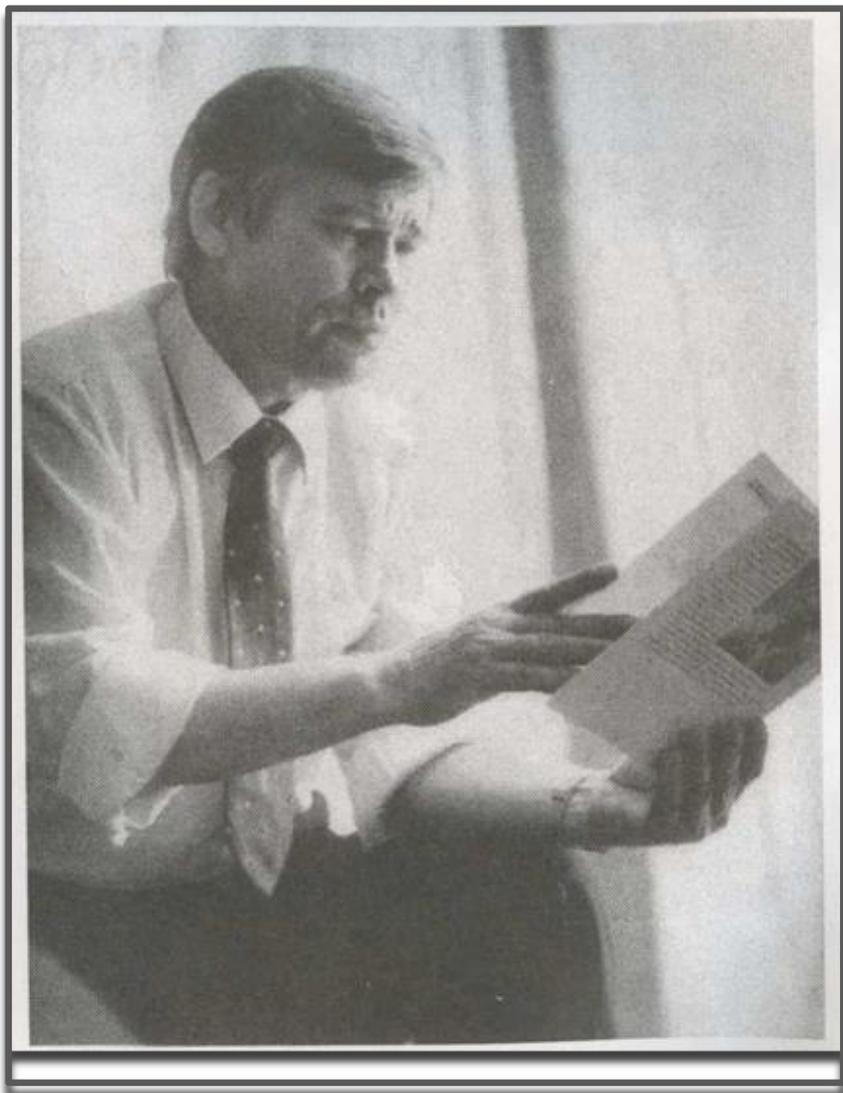

Николай
БОНДАРЕНКО

ПУЛЬС 4500

84(2рос=рус)6
Б-81

НИКОЛАЙ БОНДАРЕНКО

ПУЛЬС 4500

СТИХИ

2964/1 бр

Новопавловск

2003

ББК 84 (2Р0С-РУС) 5 (235.7 Ст) Б-81

Издание осуществлено за счет средств автора

ISBN 5-901589-49-1.

О Н. Бондаренко, 2003

Об авторе

Николай Бондаренко - обаятельный человек. Похоже, что у него нет, и не может быть врагов. Он так доброжелательно относится ко всем окружающим его людям, что они не могут не платить ему тем же.

Обаяние его личности отразилось и в его поэзии.

Живые и теплые, стихи Николая Бондаренко словно светятся изнутри неподдельной добротой, участием, любовью.

И это - в наше-то время, о котором в священном Писании предсказано, что «по причине умножения беззакония во многих охладет любовь».

Порой его стихи напоминают подснежники, которые доверчиво растут среди ледяных сугробов жестокости и безразличия нынешнего мира и сора современной цивилизации. Растут, отдышав вокруг себя живые полянки грядущей весны.

Они способны тронуть и каменное сердце: стихи Николая Бондаренко знают и любят все, кто хоть раз читал или слышал их.

Его дарование по достоинству оценили мастера поэтического слова и на Ставрополье, и в Москве: недавно он был принят в Союз писателей России. От всей души поздравляю его и желаю новых творческих свершений.

Член Союза писателей России
Раиса Котовская

Подсчитано. Проверено – у каждого из нас
Четыре тысячи пятьсот – ударов сердца в час...
Какая чушь, наверное? – когда, на ком проверено?
Быть может на флегматиках? – что жизнь ведут размеренно?
А у меня нет плавности..... А у меня - урывками
Со стрессами, С накладками. – Сплошными перебивками
Какой же верой верить мне?
Какой же мерой мерить мне?
Чтоб вышло столько ж, как у вас,
Ударов сердца в час.

* * *

А детство вправду было «босоногим».
Нам кожа ног, по-южному смугла.
Приученная к боли, - очень многим
Обычной летней обувью была.

Мы ощущали резвыми ногами
Всю прелесть и тепло родной земли,
Когда бродили росными лугами
И даже если бездорожьем шли.

Я помню землю в трещинах от зноя.
Она молила: «Дай воды глоток!»
А я не мог... И горе то, земное,
В меня вошло через подошвы ног...

Я помню годы щедрых урожаев:
Горой зерна вздымался хлебный ток!
И эта доброта ее большая
В меня вошла через подошвы ног...

Теперь уж сыну говорю я часто:
«Пойди, побегай босиком, сынок!»
Хочу, чтоб боль земли, ее Добро и Счастье
В него вошли через подошвы ног...

* * *

Может, просто совпадение,
Может, воля Провиденья,
То ль Судьбы решенье таково,
Рассуди мудрее Бог бы,
В Новый год родиться мог бы...
Но рожден был я на Рождество.

Мне шальные вьюги пели,
Где качался в колыбели,
Где однажды вышел за порог –
Глядь: лежит моя дорога
Под созвездием Козерога...
Я по Зодиаку - Козерог.

О себе я мало знаю.
Говорят, что я бываю
То - упрям, то зол, то - слишком строг,
Но таким (уж вы поверьте)
Буду я до самой смерти
Я по Зодиаку - Козерог.

А еще, - и это точно,

Гороскоп твердит восточный
(И опять - не я тому виной),
Кроме козней Зодиака,
Я к тому ж еще - Собака:
То ли - верный друг, то ль - пес цепной...

Но, не бляя и не лая,
Самому себе желаю -
Всех врагов скрутить в бараний рог...
А друзьям - я другом буду.
Доброту их не забуду,
Будь я даже трижды Козерог!

УРОК НЕ ПО ПРОГРАММЕ

Я в школе был «дурного поведения».
Мальчишка. Шалопай и озорник.
«Разбил стекло»... «Сорвал уроки пения...»
«Залез в окно...», - писали мне в дневник.

Не знаю, сколько б это продолжалось...
В конце концов, пришлось держать ответ:
И вот однажды за очередную «шалость»
Я вызван был на школьный педсовет...

По всем моим «грешкам» прошлись подробно...
(А мне б вполне хватило и - «рысцой»)
- А как он в отношении учебы?
- Способный парень, но увы, - с ленцой...

Все ясно. И вопрос об исключении
Над головою - как дамоклов меч...

Учителя сошлись в едином мнении.
Осталось утвердить - и дело с плеч.
Конец короткой школьной биографии.

И, словно подводя всему итог,
Взял слово наш учитель географии
(в военном прошлом - полковой разведки бог)

Весь съездившись и взгляд «приклеив» к полу,
Я вдруг услышал: - Да-а, нехорошо...
Такие вот, как он, позорят школу...
Нет! Я б с таким в разведку не пошел...»

Слова вонзились иглами под кожу,
Качнулся пол - и слезы из-под век.
Неужто я и впрямь совсем негожий,
Никчемный, захудалый человек?!

Кто? Я? Да я... Да как он смеет!

Ведь я могу... Я столько книг прочел....
Я там пройду, где взрослый не сумеет!..
Да мне любые горы - нипочем!

А он такое... Ну и... Стиснув зубы
И сжав до боли за спиною кулаки,
Я ждал решения... Дрожали губы.
И щеки распирала желваки.

... И вот тогда, тихонько скрипнув стулом,
Руководитель классный поднялась,
Рукой журнала классного коснулась,
Как будто бы на Библии клялась...

- Конечно, он ничем не блещет в школе,
И на любые выходки мастак...
Но знаете, - а я ведь верю Коле,
Он осознает, он поймет, - ведь так!?

Да! Так! Конечно - так! От счастья
Сдавило в горле. Зубы не разжать...
Но слабость - ни к чему! И в знак согласия
Я лишь кивнул и... бросился бежать...

... Прошли года. И жизнь свои отметки
На нас кладет, как в школьную тетрадь.
И КАК мне жить и с КЕМ идти в разведку –
Давно уж сам я вправе выбирать.

Но, часто, если в ком-то сомневаюсь,
Иль просто - взять ответственность боюсь,
Я тут же благодарно вспоминаю
Учительницу школьную мою.

Я полудил урок не по программе,
Урок Добра, и Веры, и Любви!
Любви, которая подстать лишь МАМЕ
Да самым близким людям по крови.

Прошу судьбу: «Смени свой гнев на милость
Пошли ей Счастья, Света и Огня!
Спасибо ей за то, что не ошиблась
И что тогда поверила в меня».

НАКАЗ

Помню, отец говорил мне, бывало:
Стыдно не то, в чем бессилён пока.
Главное - чтобы не ослабевала
Жажда к познанию и крепла рука.
Все, что ты в жизни не делал ни разу,
Пробуй своими руками, не трусь,

А про себя повторяй эту фразу:
«Я не умею, но я - научусь!»

Врезался в память наказ тот, отцовский.
Стал он, поистине, как волшебство,
И в воспитании качеств бойцовских,
И в устремленьи постичь мастерство.
Печь, растопляя на зорьке для мамы,
Вымажусь в саже и весь прокопчусь,
Но про себя повторяю упрямо:
«Я не умею, но я научусь!»

Как я мечтал, когда все замирали,
Видя как, словно атлет, мускулист,
Лихо гнал по восходящей спирали
Страху не знающий мотоциклист:
«Вжатый в сиденье законами физики,
По вертикальной стене - я промчусь!..
Пусть я на вид - малосильный и низенький,
Я не умею, но я научусь!»

Вот и теперь, когда многое познано,
Опытом жизненным я не кичусь.
Верю, что к цели стремиться не поздно! —
«Я не умею, но я - НАУЧУСЬ!»

КОММУТАТОР ПРОШЛОГО

... От дождя промокло воскресенье,
Словно у природы «банный день».
В сырость эту, где найти спасенье
От воспоминаний? - Скрыться - где?!!
Все дела ко всем чертям заброшены.
Я сегодня просто - не у дел.
Я тревожу «коммутатор прошлого»,
До глубокой ночи просидев...

«Девушка! Пренеприятный случай...
Все решит, быть может, эта ночь —
Я ужасно с детства невезучий,
Вы одна мне можете помочь...

Я ведь не перестаю надеяться —
Может, что-то можно изменить:
Дайте номер ТЕЛЕФОНА ДЕТСТВА,
Я хотел бы в детство позвонить...

Как мне нужен звонкий голос ДЕТСТВА,
Чтоб, вдохнув душевное тепло,
Это эффективнейшее средство
Мне в себя поверить помогло!

Что-то в жизни стало слишком сложно...
Выпадает главное звено...
Что?.. Попятно... Это - невозможно!
Жаль, что ДЕТСТВО кончилось давно...

... Милая! Волшебница из сказки!
Мне нужна доверчивость юнца,
Чтобы можно было без оглядки
Доверяться в ГЛАВНОМ... До конца...
Я устал, как стайер марафона,
От лукавства, подлости и зла...
Подскажите номер телефона,
Чтобы Юность трубку подняла!

...А еще!!!
Была Весна... Поверьте -
До сих пор она приходит в сны!
Но... забыл я в вечной круговерти,
Номер телефона той Весны...

- Подождать?.. Минутку? Это можно...

(Слышу, как пульсирует гудок...
Разговор негромкий, односложный
И щелчок, как треснувший ледок...)

- Гражданин! Вы ждете? Извините...
Не везет вам в этот выходной...
В ту ВЕСНУ вы лучше не звоните,
Пусть она останется ВЕСНОЙ!...

... Вы, быть может, очень удивитесь,
Дайте мне хотя бы номерок
Той, что... Погодите, не сердитесь...
Той, что помнит лес и костерок

На промокшей от дождя поляне
Августовской ночью... Я хочу
Ей сказать, что...

-

-Занят?

-

Знаю... - занят!

Что ж, пришлите счет. Я заплачу...

* * *

... Еще весна всего лишь робко дразнит
Теплом несмелых мартовских лучей.
А к нам в дома уж входит светлый праздник
Без стука, без отмычек и ключей.

И столько в нем от прелести рассвета,
И столько нежности, добра и солнца в нем!
Как в поцелуе милой... И за это
Его не зря назвали Женским днем...

И сразу ясно, что не без причины,
Отпугивая утренние сны,
На кухнях с шумом стряпают мужчины
И пылесосят комнаты сыны.

А женщины! Затейливы чертовски!
Надолго оккупировав трельяж,
Немыслимые делают прически
И тщательно наносят макияж.

И в нужный срок предстанут перед нами
Красавицами - глаз не отвести,
И нужные слова найдутся сами:
«Желаем быть... расти... нести... цвести...»

И я хотел бы под любым предлогом,
Быть уличенным в фальши не боясь,
О женщине писать высоким слогом
И говорить, сняв шапку, как клянясь!

Так пусть же вам воздастся полной мерой
За красоту... за нежность... блеск седин,
За материнство... за любовь и верность,
За все, чем вас Всевышний наградил!

Пусть не смутят вас новые морщины
От радостных улыбок возле глаз –
Их не заметят, их простят мужчины,
Что с вами рядом... Что глядят на вас.

* * *

Я подвластен Весне. Я ее нестареющий рыцарь.
Это только снаружи - теряю свой прежний запал.
И не снег седины на висках моих нынче искрится,
Это - степи ковыльной на них мягкий отсвет упал.

До глубин будоражит дурманящий дух разнотравья.
Как бойца опьяняет в бою терпкий запах крови.
О весна! Прикажи - я стихом твое имя прославлю!
Позови - и без слов я отправлюсь на голос ЛЮБВИ!

Я поклонник Весны. Как какой-нибудь буйный повеса,
Лишь мелькнет над снегами ее нежнокрылая тень,
Я спешу из квартиры в промерзшую сумрачность леса,
Чтоб подснежников стайки будить, словно малых детей.

А когда встрепенется земля, как от злого заклятья,
И ручьи побегут, и распустится к маю сирень,
И наденут деревья свои подвенечные платья,
Я к губам поднесу золотую от солнца свирель.

Будут звуки ее нежно вторить ликующим птицам,
Восхваляя Весну до румянца на бледных щеках,
И, какая-то женщина, в пестреньком платье из ситца,
Мне покажется феей в немислимо-легких шелках...

НОСТАЛЬГИЯ ПО АПРЕЛЮ

... Лишь развесит сентябрь по угрюмым садам
Да по рощам и скверам свои акварели,
Не зовите меня, ради Бога, туда!
Я грущу... Я болею Апрелем.

Не зовите меня в тот октябрьский лес,
Где красавцы-дубы от дождей посерели.
И сгорают осины костром до небес!
Мне их жаль... Но я болен Апрелем.

Пусть зовет кто-то осень «порой золотой»,
Пусть я в гроздья рябин, как в спасенье, поверю.
Но не вылечит их горьковатый настой
От недуга, который зовется Апрелем.

Если б кто-то мне взял да ответил хотя б, -
Я б ему - что имел, отсчитал и отмерил.
Почему каждый год, в медноокий октябрь
Безотчетно болею Апрелем?

Может быть, это просто - забыть мне невмочь
Ту Весну, где огни на столбах «фонарели»,
До рассвета испив хмель - медовую ночь,
Город просто пьянел от Апреля!

Разрезвившись, дождями по крышам звеня,
Раскатился Апрель по задворкам и щелям,
И с тех пор, вероятно, вселился в меня
Вирус вечной болезни - Апреля...

И когда в ноябре заглушают часы
Самой грустной поры заунывные трели,
Не ходите ко мне в эту слякоть и сырь!
Я болею... Я болен Апрелем...

Даже в марте, когда снег уносит вода
И запахнет в лесах разогретою прелью,
Я всего лишь на треть Перестану болеть
Застарелой болезнью - Апрелем.

Пусть замечу в Апреле, что стал я седей,
Пусть мне вскользь намекнут:
- Вы на год постарели...
Не беда! Я за то, чтобы возраст людей
Не в годах измеряли - в Апрелях!

* * *

Этой ночью мне дается строка.
Я не стану спать. Я просто - не усну.
Просижу, слагая рифмы. Пока
Утро выловит зарю на блесну...

Есть причина в том, что мне не до сна.
Понимаешь, - тут такие дела:
Понимаешь, - у нас тут ВЕСНА!
Понимаешь, - абрикоса зацвела!

Накануне - ветер сучья ломал,
И казалось: не дожидаться тепла,
Был надежды лучик хрупок и мал,
А сегодня - абрикоса зацвела.

Умиляет меня Март - пастушок!
(Пусть до этого был теплым февраль).
Он всего-то и попрос на вершок,
А какую разыграл пастораль!

Я в своих приметах был бы смешон.
Но решился: мол, была - не была:
Будет все у нас хорошо,
Если рано абрикоса зацвела!

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Новогодняя ночь разноцветные лампы развесила.
И веселые граждане шумно хлопчут в домах.
Год уходит... Тяжелый... А мне почему-то невесело,
Будто важное что не сумел разглядеть я впотьмах,

Будто кто-то окликнул, а я отвернулся и - мимо,
Будто что-то большое осталось недодано мне...
Год уходит. Размеренно, чинно и неумолимо.
Как уходит туман по озябшей осенней стерне...

А в уютных квартирах горят новогодние елки
И старательно вылизан в доме любой уголок.
Обсуждаются слухи, события и кривотолки.
И шампанское ждет, чтобы пробку вклеить в потолок...

И у каждого жителя нашей огромной России
С новой силой возникнет желание, чтоб

Стала жизнь, наконец-то счастливой, удачной, красивой,
Без такого обилия горя, обманов и злОб.

Чтоб правительство наше посулов своих не забыло,
Их раздав без оглядки, как - щедро нарезав пирог...
Как хочу я, чтоб было все - так. Обязательно было...
Что ж, дай Бог, дорогие мои! Дай вам Бог!

НА БЕРЛИН

(Из путевого дневника)

... От Бреста поезд тронулся поспешно
(Ведь мы перестояли полчаса),
А впереди - граница! И, конечно,
Контрольно-следовая полоса

И пограничный столб - молодеватый.
Подтянутый на воинский манер,
Торжественный, бетонный, полосатый,
С гербом и надписью: «СССР»!

... И вот: чужие надписи плакатов,
Чужая речь, чужой пейзаж полей.
Чужие пограничные солдаты,
Чужая зелень стройных тополей..

Но кажется, что я уже когда-то
Здесь побывал... Знаком рельеф долин...
Быть может, по пути отца-солдата
Я еду через Польшу на Берлин?

Да-да! Конечно! С детства, по рассказам.
Я изучил весь славный этот путь...
И в памяти, как на экране, сразу
Он весь возник. И охватила жуть:

Сейчас, за этим самым поворотом,
По нашим окнам вдруг хлестнет свинец,
И мы уйдем повзводно и поротно
В тот славный Май. Как уходил отец...

Но - тишина... Лишь слышно, как печется
На газе неба пышный солнца блин.
А поезд наш по рельсам вдаль несется...
Я еду через Польшу... на Берлин!

ТОСКА ПО РОДИНЕ

(Из дневника)

Городок Фюрстенвальде... обычный для Пруссии город...
Я не знаю пока, чем он славен и чем знаменит.
Семь веков за спиной... Приносивших и радость и горе...

Семь далеких веков память города прочно хранит...

... Третий месяц я здесь... А быть может, мне все это снится?
Эти узкие улочки, где я брожу не спеша...
От сознания того, что живу я сейчас за границей,
Кто-то, может быть, думает: «Спрыгнет с катушек душа»...

И, наверное, прыгнула б, капельку ей помоги я,
Ведь для этого средств и возможностей всяких не счесть...
Но пусть кто-нибудь спросит: болею ли я ностальгией?
Я отвечу: «Не знаю, но первые признаки есть...»

Да и как объяснить состоянье, когда без причины,
Вдруг нахлынет - накатит какая-то смутная блажь:
Встанет в горле комок (неприятный момент для мужчины)
И еще не окончив строки, хрустнет вдруг карандаш...

Только что я так грустно? Ведь я по характеру - весел
И. бывало, удачу держал, как коня под седлом!
Ах, как хочется песен!.. Мучительно хочется песен
Под гитару друзей за накрытым простецки столом!

Чтоб мы пели, как «мачты плывут из туманов белесых...»
Где-то чуть привирая... зато широко. От души...
Я бы песнями в комнате на ночь окно занавесил,
Чтоб во сне восхищаться, насколько они хороши!

... Я еще соберу всех друзей за нехитрым застольем!
Я еще подпою так, чтоб звезды скатились в траву!
Будут дверь и душа - нараспашку! (Не русский я, что ли?)
Только этим живу... Только этим сейчас и живу...

ОСЕНЬ В ПРУССИИ

Стоял октябрь, но не было дождей,
На серых пашнях пробивалась зелень,
А лес манил обилием груздей
И терпкой смолю постаревших елей.

И было так похоже на весну,
Что за такие выверты природы,
Там, на Руси, сказали б в старину:
«Какие нынче выдались погоды!»

И - тишина в лесу... и сухота...
Он словно замер в ожиданье стужи,
И каждое падение листа
Лишь на ухо тугой не обнаружит...

И вдруг вот в этом царстве тишины,
Как увертюрой поднебесного оркестра,

Мы были криком журавлей оглушены,
И сразу тишине не стало места!

И шелест крыльев, и напев привычный
Заполнил воздух музыкой окрест,
И столько было Родины в их кличе,
Что понял я - они из НАШИХ мест!

Да, да, - из НАШИХ! Эта песнь простая
Звучала ТАМ - на РУССКОМ языке...
Они вот так же, к югу пролетая,
Со мной прощались в южном городке...

И, как тогда, к крылатой стае птичьей
Мне захотелось вклиниться бочком...
Но... есть границы, рамки и приличья
И петь дано мне человеческим языком...

Я, не вдаваясь в жаркие дискуссии,
Скажу и повторю хоть сотни раз:
«Да, несомненно, прелесть - осень в Пруссии,
Но - видели б вы осенью Кавказ!»

* * *

О женщинах писать - нелегкий труд...
Я это знаю. Вы уж мне поверьте...
Чуть что неверно - в порошок сотрут
Иль будут презирать до самой смерти.

Им можно все на свете обещать,
Или, кривя душою, восхищаться...
Но как умеют женщины прощать!
Но как не любят женщины прощаться!

На веру примут не любую лесть.
Зря говорят: «Путь к сердцу - через уши...»
Но - попытайся с фальшью в душу влезть –
Закроют плотно двери в свои души.

И скажут: «Хватит меду лить мне в уши-то...
Какие все мужчины дураки...»
А любят не «за то, что...» - «потому что!...»
Пусть даже если это - «вопреки...»

Покорные от ласки и тепла,
Они дурманят, как душистый клевер,
Но не приемлют подлости и зла...
И - берегитесь женщины во гневе!

Я знаю: вывод мой, увы, не нов,

И вечный не покой давно обещан нам,
Пусть торжествует на земле Любовь!
И будь благословенно имя Женщина!

ОДИНОКАЯ

Только сяду писать, завершив повседневные хлопоты.
Вдруг взорвется звонок, - децибелов, наверно, под сто.
И приходит Она... И садится. И глазками хлопая,
Начинает беседу... А правую руку - под стол...

... И, пока длится эта беседа, - такая ненужная.
Замечаю, цедя в разговоре словцо за словцом,
Как неловко и стыдно ей быть со мной рядом - замужнею.
Как горит ее палец, что под обручальным кольцом...

Как свободной ей хочется быть и немного раскованной,
Убежать, хоть на время, из плена семейных забот,
И - любить... - До бесстыдства! До боли! Грешно и рискованно,
А потом, хоть - потоп! Хоть - на плаху! На смерть! Под забор!

Боже! Как объяснить, избежав примитивной банальности,
Этой женщине с милым и недоуменным лицом –
НЕ СЛОЖИЛСЯ аккорд гармоничной мажорной тональности!!!
(Может, струны фальшивили под обручальным кольцом?...)

Не смотри на меня с укоризной, моя синеокая!
Мы с тобою одни. Тает ночь. Стынет чай на столе...
Вся беда в том, что ты, даже дома, в семье - ОДИНОКАЯ.
И кольцо на руке, может, хуже, чем шея - в петле...

Я далек от того, чтоб слова мои были пророчеством.
Только знаю - участием своим снова боль принесу...
Никакою ценой не спасти тебя от одиночества!
Даже если смогу - лишь на краткое время спасу...

ЭЛЕГИЯ

... Струился мягкий лунный свет
Сквозь тюлевые занавески...
И пел нам что-то про рассвет
Магнитофонный голос Вески...
На кухне капала вода,
И были мы смелы в сужденьях
Как будто кто-то от стыда
Нам на ночь дал освобожденье.
Он, этот «кто-то», нам помочь
Каким-то чудом догадался...
Я так любил тебя в ту ночь!
Я так тобою любовался!
Тобой, - свободной от рубях
На белой простыне постели...

И - губы таяли в губах,
И руки - растворялись в теле...
...И-затянуло... Закружило
В какой-то яростный экстаз...
А ты любить меня спешила,
Как будто бы в последний раз!
... Качалась ночь на трех столбах,
И сны в испуге прочь летели.
А губы таяли в губах...
И руки - растворялись в теле...

* * *

...Вот и все
Закатилось мое солнце за горку,
И уже не ступлю я на знакомый порог.
На душе, как на окнах, задернули шторку...
(Я ведь тоже - упрямый, заводной Козерог)

Все случилось неожиданно. Все случилось нелепо.
В кронах вишен цветущих колобродил апрель...
Беззаботному сердцу в счастье верилось слепо,
Но сфальшивила скрипкам колдовская свирель.

Никого не виню. Мне ль искать виноватых!
Значит, так было надо негодяйке-судьбе!
Может, просто - тебя я любил маловато?
Может, мало вниманья уделял я тебе...

Ни о чем не жалею. Все случилось, как спелось.
В память врезалось прочно этих дней забытье,
И малиновых губ сладковатая спелость,
И горячее, грешное тело твое...

Будет грустно чуть-чуть мне когда-то представить,
Как какие-то вещи, верность мне сохраняя,
Вдруг однажды служить твою память заставят,
Но уже без меня... Но уже без меня...

О ДРУЖБЕ И ДРУЗЬЯХ

В. Федотову

Мне в друзьях по-особому как-то везло.
Ну не то чтоб, как в картах, где удача — на время.
Если был я неправ, то ругали не зло,
А хвалили, так это - как к празднику премия!

Я и сам понимал: друг, конечно же, тот,
Кто добрей изнутри, чем по внешности видится,
Кто мои заблужденья, разобравшись, поймет
И простит. И на правду мою не обидится.

Не спешил, да и, честно сказать, не спешу,
Пусть молвой осужден, может, трижды я буду,
Другом сделать того, кто публично, как шут,
«Осчастливит» меня поцелуем Иуды.

И уже, панибратски вцепившись в плечо,
Разговор поведет о событиях главных,
О друзьях и еще неизвестно о чем,
Лишь бы видели все: он с тобою «на равных».

Зря надеется он, что я, как ротозей.
От его славословия свечкой расплавлюсь...
Ох, избавь меня. Боже, от этих «друзей».
От врагов я и сам, в одиночку, избавлюсь.

Прости, календарь, я с тобой в несогласии.
Пусть праздник сегодня меня обойдет,
Я с совестью нынче своею, - в Согласии,
А Примирение - пусть подождет.

И, сам не любивший посредственность до того,
В душе ощущаю мятежную грусть...
Две боли приемля Витальки Федотова,
Я с вредностью Серости не примирюсь!

СЕНТЯБРЬСКАЯ СИРЕНЬ...

Опоздав на лето и собравшись с силой,
Вдруг сирень, как в мае, пышно расцвела.

А. Мосиенко

Из книги «Сентябрьская сирень »

Я стоял у окна.
Вечерело. Соседка вошла
(То ли спичек занять,
То ли - выпросить к выпечке соды).
Говорит: «Не поверишь:
Сентябрь, а - сирень расцвела!»
«Ну и что, - говорю, -
Это просто - причуда природы...»

И тут стало мне ясно,
Что все - далеко неспроста:
И сирень... И соседка...
И якобы к выпечке сода...
Вспомнил юность...
И вдруг стало грустно мне так:
Это ж годы уходят!
Стремительно катятся годы!

А сирень для того
Распустила свои лепестки,

Чтоб напомнить, что мне
Не мешало б жениться вторично,
Может быть, на соседке, что будет мне штопать носки
И украдкой вздыхать
По несбывшейся жизни столичной...

И, наверное, всяк,
Испытавший осеннюю грусть,
Разобравшись, поймет
И меня не осудит за это,
Если в чью-то судьбу
Я сентябрьской сиренью ворвусь
(Безнадежно и пусть!)
Опоздавшим на целое лето...

РОМАНС О РОМАНСЕ

Ю. Лысакову

... Аплодисментами взорвался зал
С последним звуком этого романса,
Что безотчетно вдруг меня связал
С эпохой золотого Ренессанса.
Поступки там и помыслы - чисты
И благодарны чувства и манеры,
Там дамы - эталоны красоты,
А все мужчины просто - кавалеры!

«Простите мне, что я Вас полюбил...»
Да можно ль за любовь просить прощенья?
Но, оказалось, - МОЖНО, если был
Хоть раз ты без ума от восхищенья
Той женщиной, которую любить
Считаешь святотатством невозможным,
Которую боишься оскорбить
Прикосновением неосторожным...
Которую... Да что там говорить!
Такую нужно встретить. Непременно.
Влюбиться и, любя, боготворить,
Страдая тайно, или откровенно.
Дарить стихи, рассветы и цветы
И - верить, что придет, лишь позовете,
И станет воплощением мечты,

«Звездой лучезарной на взлете...»
А если не придет... Умерить пыл,
Сказать себе спокойно и без злобы:
«Простите мне, что я вас полюбил...»
И - позабыть...
...или - ЛЮБИТЬ ДО ГРОБА!

ПИАНИСТКА

(акrostих)

Аккорды самых удивительных мелодий
Непринужденно извлечет из клавиш.
Невозмутимо черно-белых клавиш...
А сколько красок в них! Да все, что есть в природе.

Сама как будто соткана из ноток,
Апрельской зелени и свежести подобна,
Ах, если б мог я описать подробно
Как страшен гнев ее... И как характер кроток!
Она - талантлива во всем. И может стать –
Всего достигнет (если постараться).
А кто она - нетрудно догадаться...

* * *

Быть может, это к празднику природа
Расщедрилась, нежданно подарив
И буйство трав, и ранний всплеск восхода
У колыбели утренней зари,
Фиалок и подснежников цветенье
И птичьих стай неугомонный хор...
Ну можно ли придумать совершенней
Таких подарков праздничный набор!

А ты идешь походкой энергичной,
В глазах - слегка задумчивая грусть...
Красивая... нарядная... привычной
Дорогою, знакомой наизусть.
Сама на утро вешнее похожа,
Как будто сбросив с плеч десяток лет...
И редкий не оглянется прохожий,
Твоей улыбкой солнечной согрет.
И если б Пушкин Анну Керн не встретил,
Узнав в ней «гений чистой красоты»,
Я б утверждал «всем существом в поэте»,
Что «чудное мгновенье» - это Ты!

* * *

Как рождаются песни? Я сказать не берусь...
Это знает вернее тот, кто к песням причастен:
Может - радость «подперла», А может быть, грусть
Или просто - мечта о несбыточном Счастье...

Может, ранен поэт нестерпимой обидой,
Может, просто - влюблен без ума музыкант
В молодую девчонку, невзрачную с виду...
И - прольется мотив, тишину расплескав!

Только чаще всего музыкальные люди,
Обласкав нужным звуком колонки стихов.
Преподносят к утру, Как подносят на блюде,
Замечательный синтез мелодий и слов!...

... Так рождаются песни. И они хороши,
Если тексты ложатся на аккорды души.

ПОЛОСАТЫЙ МЯЧИК

... В детстве, по пути на базар,
В магазине, что свой товар
За стеклом витрин, как глаза
За очками, прячет,
Словно подмигнув мне хитро.
Словно улыбнувшись светло,
Глянул на меня сквозь стекло
Полосатый мячик...

С той поры, желанный вдвойне
И одушевленный вполне,
Он являлся часто ко мне,
Ночью, в сны ребячьи.
Я мечты в подушку копил,
А на материнское: «Спи...»
- Мама, - приставал я, - купи
Полосатый мячик...

Паровоз, ружье и коня
Я на этот мяч бы сменял
(Может, он тогда для меня
Слишком много значил).
Мне казалось - с этим мячом
Никакая грусть нипочем!
Что мне грусть, когда у меня –
Полосатый мячик?

ПРИПЕВ:

Детство! Радостным смехом звеня,
Знаю, - ты скоро уйдешь от меня
Только я не буду жалеть.
Раз уж нам нельзя не взрослеть;
Как нельзя со стенки стереть
Солнечного зайчика.
Я прошу: и ты не жалея,
Вслед мне посмотри веселей,
В памяти останься моей
Полосатым мячиком...

ЗВЕЗДЫ НА ПОГОНАХ

(Офицерский вальс)

Мне все слышится топот и разрывы гранат
Вижу ясно, как кадры немого кино:
Вот, вскочив из окопа, молодой лейтенант
Прокричал по-мальчишески: «Рота, за мной!»...
И - горячий ожог... горячей поцелуя...
А в предсмертном сознании - бал выпускной,
Где нарядным мундиром девчонка, любуясь,
Поклялась быть тогда ему верной женой...

Ах, звезды на погонах! девичьи мечты
Но, должны вы знать, подружки наши верные:
Звезды на погонах не для красоты,
Это право встать под пули первыми!

И, любуясь сегодня блеском ваших погон,
Я по звездам ваш воинский путь узнаю:
Гарнизоны в лесу... и сквозной полигон...
И ученья, и версты в походном строю,
И - казармы, в которых вы чаще, чем дома,
И - родные глаза, что так верят и ждут...
Кто сказал, что легка офицерская доля?
Кто сказал, что задаром вам звезды дают?

Звезды на погонах в прошлое мосты:
Чем длиннее мост, тем выше звание.
Звезды на погонах не для красоты,
Это мера доблести и знания.

Если будет приказ, вы уйдете надолго,
Если отдан приказ, вы ответите: «Есть!»
Потому, что сильнее других - чувство Долга,
Потому что в чести - офицерская Честь.
И неважно - какой там узор на погонах,
И неважно - какого размера звезда...
Лишь бы служба была - не за чином погоней,
Лишь бы Совесть и Честь были с вами всегда!

Звезды на погонах, как на ветвях листы:
Мелкие - весной, крупнее - к зрелой осени...
Звезды на погонах не для красоты
Славы ратной золотые россыпи!

ВЕСЕННЕЕ

Люблю ли я весну? Спросите ночью,
Спросите в полдень, рано поутру,
Я не отвечу сразу. Знаю точно:
Скажу «люблю» - наверняка совру!
Сказать «люблю» - лишь половина дела.

То - не любовь, что с трезвой головой,
А надо - чтоб душа зазеленела
Одновременно с молодой травой!
Чтоб, повинуюсь таинствам природы,
Смахнуть остатки стужи февраля
И - опьянеть от солнечной погоды,
И все забыть. И все начать с нуля.
Залюбоваться утренней зарею
И с легким сердцем убедиться вновь:
Неразделимы этою порою
Добро и Женщина, Природа и Любовь!
Прекрасного понять первопричины
И смело заявить на прямоту:
«Нет некрасивых женщин! Есть мужчины,
Не видящие эту красоту!»
С каким восторгом утром обнаружишь
В саду деревьев праздничный десант!
Их кроны - купола из мягких кружев
Упавших парашютов в сонный сад...
И снова - молод, счастлив и беспечен!
И, словно в небо, упадешь в траву...
Люблю ли я весну?...
Да нет, конечно!
Я просто ею только и живу!

ВСЕ, ЧТО МОГУ

Вспоминаю, встречая людей
с разноцветными планками,
Я тот фильм о минувшей войне,
где в неравном бою
С накатившими стройной армадой
фашистскими танками
Горстка русских солдат
одержала победу свою.
Где любому' бойцу,
от сознания величия гордому,
Что застыли в строю
на горячем от боя снегу,
Говорил генерал,
раздавая смущенно по ордену:
- Это все, что могу...
от себя... Это все, что могу...
Я в автобусе ехал
в преддверии праздничной даты.
Хлопотливый народ,
суетясь, выходил и входил...
И вошли ветераны -
бывалые в прошлом солдаты

Оттого, что поймут они:
главного им недодали –
Права жить без забот и тревоги
за завтрашний день.
А ведь верилось...
Нынче не вспомнить без смеха –
Свою голову кто-то
на рельсы грозил положить ...
Эх, не так бы! Не так им
сегодня в автобусе ехать,
Где и сесть-то никто
не осмелился им предложить!
Выходили они,
унося боевые награды
Да, наверно, обиду
под грузом опущенных век...
И белел отпечатком
тех памятных дней Сталинграда
На седых головах
тот, горячий, нетающий снег...
Мне бы выйти вослед
и, не чувствуя капли смущенья,
Их догнать и сказать,
задыхаясь от слез на бегу:
- Дорогие мои! Я прошу
принародно прощенья...
Это все, что могу...
От себя... Это все, что могу...

ЛЕРМОНТОВ

(Отрывок из поэмы)

... Огромной тучей заполнялось небо
И, словно с нею споря на скаку.
Два Михаила - Лермонтов и Глебов –
Лихим галопом гнали к Машуку.

Но не вознаграждение было целью
Той скачки, а скорей - наоборот:
Крылатый финиш кончится дуэлью.
Остался лишь последний поворот...

А дальше... На мундире офицера
Прощальный луч погладит эполет
Один из них отправится к барьеру,
Другой - ему протянет пистолет...

Но это - через полчаса... Не раньше...
Ну а пока, прервав коней полет
И дум поэта, болью сердце ранивших,

Девичья стать перед ними предстает -

Казачка Алка! С норовом не тихим,
С лукавством глаз, исполненных беды.
Шальная дочь старухи Корсачихи...
«Наяда» капитанской слободы!

Волос колечки под покровом шелка...
На коромысле, на плече одном,
Две веских круглых лыковых кошелки,
Покрытых сверху белым полотном.

В кошелках - вишни, налитые соком.
Как тело у хозяйки: только тронь
И - брызнет!...
Свечкой вздыбившись высокой,

Перед казачкой опустился конь
Поэта... Мерно потекла беседа,
В подробности которой есть ли толк
Вдаваться мне... Да был ли кем-то ведан
Доподлинно, их немудреный толк?

Но вот, поэт, смахнув росинки пота, -
(В жару десяток верст «отмолотил»!
Сказал: «Насыпь-ка вишен... Пить охота...
Но я - без денег... Глебов, - заплати!»

И, взяв монету, Алка полыхнула
Румянцем, словно вишенкой весной,
И с озорной усмешкой протянула,
Наполнив с горкой, ковшик жестяной.

«Куда тебе? За пазуху? В рубашку?»
- А Лермонтов, дурашливо-смешной,
Ей протянул армейскую фуражку...
Как будто только так и быть должно...

И натянул поводья, предвкушая
От поворота быстрюю езду,
А Алке, подмигнув, сказал, прощаясь:
«Будь нынче дома... Вечером приду...»

Сказал... И испугался вероломства
Бездумных слов, несбыточности грез...
В который раз за время их знакомства
Он обманул... Но в первый раз - всерьез!

И - шпоры дал коню... И не заметил,
Как Алка, словно загадав на путь,
Сказала, бросив и поймав монету:

«Ой, не придешь! Не вышло! Шалопут...»

Черкес был очень легок на галопе
И к месту поединка прибыл в срок...
И было все: и дождь по листьям хлопал,
И палец плавно надавил курок...

И смерть была - нелепая и злая –
На полувздохе... Полукрике... Влет...
Так лебедь, с глади озера взлетая,
Сраженный пулей свой прервет полет...

Я - о другом... Хотел бы я, поверьте,
Себе на радость или - на беду,
Сказать кому-нибудь за полчаса до смерти:
«Будь нынче дома... Вечером приду...»

И если не приду - письмо в конверте
Ей сообщит... Пусть через много лет:
«Он не пришел лишь по причине смерти...»
Другой причины у поэта - нет...

* * *

Мне не дал Бог ни голоса, ни слуха,
Поэтому я песен не пою.
Но, чувствуя на песни «голодуху»,
Я все стараюсь написать - свою,

В которой были б птицы и дороги,
И кони, потерявшие узду,
И губы той девчонки-недотроги,
Что с рук кормила раннюю звезду...

Я б не хотел не вспомнить в песне этой,
Купаясь в разнотравье строк и фраз,
Об участи затравленных поэтов,
Страдавших НАШЕЙ болью больше НАС.

О тех, чье враз остановили сердце
Клинок, свинец, или - надрывный крик...
Мне никуда от этого не деться –
Не волен... Не приучен... Не привык...

МЕТАМОРФОЗА

И скуп, и простоват был лексикон тогда мой
(А так хотелось мне «высоким штилем» петь!
Когда, в моих глазах, Вы стали Знатной Дамой,
Я чаще стал при Вас смущаться и краснеть.
Хотелось мне сказать: «Вы будете царицей!
Поверьте всем моим пророческим словам...»

... Как жаль, что это все уже не возвратится...
Мне стыдно за слова, не сказанные Вам.

Вы все стремились ввысь. Парили легкой птицей,
А я за Вами вслед никак не успевал...
Когда, в моих глазах, Вы сделали Царицей,
Я лишь украдкой край одежды целовал
Хотелось мне сказать: Вы будете Богиней
Я даже в Вашу честь - икону заказал...»
А мне, на тот момент, виски подернул иней...
И я, конечно, Вам такого не сказал.

Пророчество сбылось, не сказанное всеу –
Богиней стали Вы (пусть только для меня),
И я спросил: «За что свой тяжкий крест несу я?
Кем Вы хотите стать с сегодняшнего дня?»
А Вы сказали мне: «Я так тебя любила!
И в жены взять меня, ты мне пообещай,
«Богинь», «цариц» и «дам» я навсегда забыла...»
Мне б согласиться, но... Но я сказал: «Прощай!»

Осенние дожди в лицо мне больно били,
Жгло солнце, и мороз под шубу заползал...
Мне намекали все: мол, Вы меня любили...
Спасибо за любовь, которой я не знал...

СЕЗОН ТВОИХ ВОЛОС

А ты в тот вечер так была красива
(Ну как я раньше мог не замечать?)
Душистым, светлым, теплым летним ливнем
Спадали твои волосы с плеча.

А я ловил их в сильные ладони,
Касался кожей пересохших губ...
И целый мир в твоём сомкнулся доме.
Я ликовал ... Я был от счастья глуп.

Январь последним воскресением кончался,
И в снежной шубе за окном потел мороз,
А для меня в тот вечер начинался
Сезон дождей... Сезон твоих волос...

Пусть мне в разлуке иногда взгрустнется,
Но сколько бы разлук ни привелось,
Я знаю: с возвращеньем вновь начнется
Сезон дождей - сезон твоих волос.

Какое б ни случилось время года,
Мне в руки теплым ливнем упадут
Твоих волос струящиеся воды,

К которым я губами припаду.

Пусть покажется кому-то вздором это,
Но для меня так в жизни повелось,
Что даже самое засушливое лето –
Сезон дождей... Сезон твоих волос...

* * *

Голову милой беру я в ладони,
Словно напиться хочу из сосуда...
Сердце стучит: «Осторожней, уронишь!
Крепче держи это хрупкое чудо!»

Милой смотрю я в большие глаза
Кроткие... С зеленью до абсурда...
Как же пьянит этих глаз бирюза!
Боже! Откуда она в них? Откуда?!

Может быть, зеленью ранней весны
В детстве, как губка, они напитались?
Или морской отраженьем волны
В них погостило да так и осталось?

Милой шепчу я слова невпопад,
Завороженный причудливым светом:
«Не виноват я!.. Не я виноват
В том, что так рано кончается лето,

В том, что не наша с тобою звезда
Под загаданье желанья сгорела,
В том, что не нам прокричав, поезда
Ждут, обтирая колеса у стрелок,

В том, что не наша с тобою трава
Мокнет в стогах на пожухлых покосах.
В том, что не наша сгорает листва
И ничего не поделаешь... Осень...

* * *

Сыплется колкое снежное крошево,
К празднику город принаряжая...
Я не сказал тебе столько хорошего,
Встречи с разлуками перемежая!

Я не сумел подарить тебе сонную
Ветку сирени, на листьях с росинками.
Не разукрасил поляну зеленую,
Выстелив под молодыми осинками.

Не разучил со скворцом возвратившимся
Песню весны к твоему пробуждению.

Даже стихом, на рассвете родившимся
Не заслужил твоего уважения...

Я не увлек тебя в танце стремительном,
В шумных застольях сижу в одиночестве.
Радость моя! Не бываешь ты длительной.
Счастье мое! Ты ли мне напророчено?

То ли - родился с судьбой перекошенной,
То ли - события опережаю?
Сыплется колкое снежное крошево,
К празднику город принаряжая...

Декабрь 1987 г.

* * *

Давай с тобой побродим по Весне!
Нет, не «пройдем», а именно - «побродим
Там, где усталый парк, уснувший вроде,
Ворчит, на что-то жалуясь во сне...

Там поднимается в лучах луны
Ночных фиалок мед благоуханья
И сосен волосатое дыханье
Еще щекочет щеки тишины...

Найдем полянку в стороне от троп,
От глаз людских, от пересудов мелких,
Где даже с веток попрошайки-белки
Не будут нас оглядывать хитро...

При свете звезд вгляжусь в твое лицо...
Оно - без грима и помады липкой, -
Счастливой озаренное улыбкой, -
Как вытканное солнцем озерцо...

Оставим парк во власти сновидений
И побредем бесцельно, наугад...
Быть может, к свежевспаханым лугам
Слепая безотчетность наблюдений

Нас приведет... А может, на поля,
Где спит по-женски чутко и мятежно
Обласканная за день солнцем нежным,
Беременная всходами земля...

И будем ждать явления рассвета.
Не по часам - по зябкой стыни трав,
По капелькам росы, что до утра
Повиснут на ветвях у первоцвета...

Пусть нежится природа в сладком сне.

Пока рассвет проснуться не поманит,
Или призывный крик пичуги ранней...
Давай с тобой побродим по Весне!

РЕКА ДЕТСТВА

- Папа, а куда впадает река Кума?

-А никуда, сынок... Она в песках теряется...

(из подслушанного разговора)

Не теряется! Нет! Не теряется речка,
Что течет, извиваясь меж глинистых круч.
Да - мелеет. Да - тает от зноя, как свечка,
Но опять набирается силы из туч.

Из тугих родников набирается силы,
Из облизанных солнцем седых ледников,
Из притоков... Таких же кривых, некрасивых,
Плоть от плоти на маму похожих сынков.

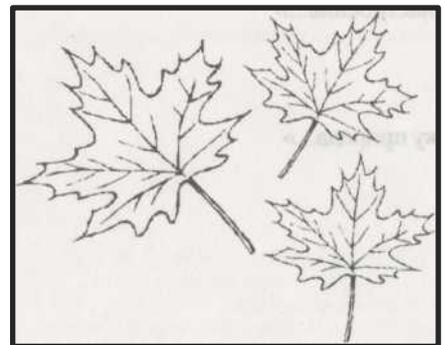
Вот течет она, мутная, словно стесняясь
Неприглядности собственной... Речи немой...
Я всю жизнь для себя докопаться пытаюсь
Почему эта речка зовется Кумой?

Кум... Кума... При крещенье... (догадки... зацепки...)
Если это и так (утверждать не берусь),
То - в Куме окрещен я скорее чем - в церкви,
Коль - в реке окрестилась Владимиром - Русь.

Я с Кумою-рекой познакомился с детства.
Для меня она больше, чем просто - река.
Это - в долгих скитаньях вернейшее средство
От тоски-ностальгии. .. Как друга рука.

Потому что она, постоянно со мною,
Лишь меня названье и внешность свою,
Становилась то - Эльбой, то - Одером... Томью,
То - Норилкой - рекой в Заполярном краю...

Я бы сыну ответил: «Запомни навеки,
Кто-то с толку сбивает подобным враньем.
Не теряются! Нет! Не теряются реки,
Если с детства текут через сердце твое!»

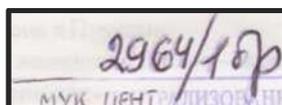

Литературно-художественное издание: Поэтическое

Николай Павлович БОНДАРЕНКО

ПУЛЬС 4500

СТИХИ

Издательство: «Кировская районная типография»

Сдано в набор 14.08. 2003 Подписано в печать 2.09. 2003

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать ризография. Усл. печ. 3 Заказ 2103 Тираж 500 экз.

Цена договорная

ГУП «Кировская районная типография»

357300, г. Новопавловск, ул. Октябрьская,4.